

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Кафедра английского языка и методики преподавания

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ РЕФЕРЕНЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
ПРЕССЕ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Иностранный язык и экономика
очной формы обучения, группы 02051208
Василенко Александры Сергеевны

Научный руководитель:

к.ф.н., доцент
Лагоденко Д.В.

БЕЛГОРОД 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. Теоретические предпосылки исследования интертекстуальных референций.....	6
1.1. Происхождение понятий интертекста и интертекстуальности	6
1.2. Типология интертекстуальных компонентов и межтекстовых связей.....	14
1.3. Функции интертекста.....	20
1.3.1. Классификация, основанная на классической модели функций языка.....	22
1.3.2. Функции интертекста в публицистике.....	24
Выводы по ГЛАВЕ I.....	26
ГЛАВА II. Интертекст в заголовках англоязычных статей.....	28
2.1. Заголовок как элемент газетного текста.....	28
2.2. Анализ интертекстуальных референций, претекстами которых являются латинские крылатые выражения.....	35
2.3. Анализ интертекстуальных референций, претекстами которых являются произведения У. Шекспира	39
2.4. Анализ интертекстуальных референций, претекстами которых являются тексты песен и речь героев кинофильмов	44
Выводы по ГЛАВЕ II.....	51
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	52
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	55
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	59
СПИСОК ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА.....	60

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в лингвистике и смежных науках в фокусе исследований находится текст, который изучается с точки зрения его внутреннего развития и взаимосвязи с другими текстами. Соответственно, широко и глубоко разрабатывается теория интертекстуальности в различных жанрах. Многообразие подходов и обширность исследуемого материала, различающегося по жанрово-стилистическим характеристикам, привели к возникновению огромного количества терминов для обозначения различных интертекстуальных единиц.

Сам феномен интертекстуальности стал изучаться относительно недавно, и как явление межтекстового взаимодействия находится в центре внимания отечественных и зарубежных лингвистов лишь начиная с 60-х гг. 20 века и изучается до сих пор. С развитием средств массовой коммуникации, и с повышением их роли в жизни людей возрастает значимость изучения данного феномена на материале прессы. В современном обществе средства массовой информации обладают очень сильным влиянием. Без радио, телевидения и прессы сегодня невозможно представить нормального течения жизни.

На материале англоязычной прессы существует немного специальных исследований интертекстуальности. Исследуемые многими из них газетные тексты привлекают внимание именно с лингвистической точки зрения. Это обусловлено тем, что эффект их воздействия на массовую аудиторию достигается, в основном, языковыми средствами, поскольку отсутствуют и звуковой, и видеоряд как на радио или телевидении соответственно.

И тем самым **актуальность** исследования с одной стороны определяется активным изучением интертекстуальности в современной лингвистике, а с другой недостаточной разработанностью данной проблематики на материале англоязычной прессы. Так как сфера печатных

СМИ отличается динамичностью и каждый день поступает новый материал для исследования этим и объясняется важность выявления закономерностей функционирования интертекстуальных референций, особенно в заголовках периодических изданий.

Объектом исследования выступают газетные заголовки.

Предметом исследования являются интертекстуальные референции, использованные для создания газетных заголовков.

Цель настоящей работы заключается в выявлении, описании, исследовании и анализе интертекстуальности в англоязычной прессе.

Для достижения поставленной цели представлялось необходимым решить следующие **задачи**:

1. рассмотреть различные концепции теории интертекстуальности; раскрыть содержание понятий «интертекстуальность», «интертекст»;
2. определить функции интертекста, а также рассмотреть типологию интертекстуальных компонентов и межтекстовых связей;
3. выявить общие особенности газетного заголовка, определить его функции и классификации;
4. классифицировать интертекстуальные референции в соответствии используемых претекстов;
5. проанализировать и классифицировать интертекстуальные референции с точки зрения выполняемых ими функций.

Теоретическая база представлена такими учеными как: А.К. Жолковский, И.А. Ильин, Ю.М.Лотман, И.П.Смирнов, К.Ф. Тарановский, П.Х.Тороп, Н.А. Фатеева, R. Barthes, H. Bloom, J. Derrida, J. Kristeva, M. Riffaterre и др.

Фактическим материалом для исследования послужили заголовки статей различных информационных порталов, например таких как The New York Times и BBC News.

В ходе исследования применялись теоретические, эмпирические методы, а также статистический метод и метод лингвистического анализа.

Основным методом исследования в работе является описательный анализ, включающий различные приемы изучения фактического материала.

Практическая ценность исследования заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в вузовских курсах современного английского языка, спецкурсах по стилистике, языку публицистики, в лекционных курсах по лингвокультурологии и культуре речи.

Апробация работы. В рамках «Недели науки – 2017» в НИУ «БелГУ» на факультете иностранных языков на заседании секции «Лингвостилистический анализ текста» был представлен доклад «Примеры интертекстуальных референций в англоязычной прессе» и подготовлена научная статья для публикации в научном студенческом сборнике «Национальные языки и культуры в эпоху глобализации» (по материалам научной сессии НИУ «БелГУ» «Студенческая весна – 2017»).

Структура и содержание работы определены составом решаемых проблем и задач. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

Во введении дается общая характеристика работы, обосновывается выбор темы, определяются цель и задачи. Обозначается актуальность работы.

Первая глава «Теоретические предпосылки исследования интертекстуальных референций» носит теоретико-обзорный характер. В данной главе раскрываются понятия интертекст и интертекстуальность, рассматриваются основные классификации интертекстуальных компонентов, а также выполняемые ими функции.

Во второй главе «Интертекст в заголовках англоязычных газет» проводится подробный анализ интертекстуальных референций с точки зрения их функциональности и композиционного членения.

В заключении в обобщенной форме излагаются результаты проведенного исследования.

ГЛАВА I. Теоретические предпосылки исследования интертекстуальных референций

1.1. Происхождение понятий интертекста и интертекстуальности

Феномен интертекстуальности известен с давних времен. В первую очередь это связано с тем, что для людей стали более доступны различного рода произведения искусства, при этом повысился уровень образования, что привело к появлению средств массовой коммуникации, и в результате произошла сильная семиотизация человеческой жизни.

В свою очередь, можно провести параллель между формированием интертекстуальности и семиотики. Согласно определению Юрия Михайловича Лотмана, под семиотикой следует понимать «науку о коммуникативных системах и знаках, используемых в процессе общения» (Лотман, 2010: 6).

Таким образом, семиотика образовывалась в ходе распространения результатов изучения естественного языка на эти системы.

Теория интертекстуальности же формировалась во время исследования интертекстуальных связей в художественной литературе, но сферы ее применения при этом гораздо шире.

Во-первых, она характерна для всех вербальных жанров, а во-вторых, интертекстуальность применяется не только в текстах в узком смысле, но и в текстах, которые построены средствами отличных от естественного языка, то есть, не знаковыми системами.

Таким образом, данные (интертекстуальные) связи устанавливаются между произведениями изобразительного искусства, музыки, кинематографа, архитектуры, театра.

Стоит отметить, что исследуемые нами термины - «интертекст» и «интертекстуальность» в данной работе являются синонимичными.

Они получили крайне широкое распространение в научных трудах по лингвистике в работах таких ученых как: Р. Барта, Г. Блума, Ж. Дерриды, Ю. Кристевой, А. Жолковского, И. Ильина, М.Риффатера, И. Смирнова, К. Тарановского, и др. (Фатеева, 2000: 16).

Одной из самых важных предпосылок возникновения теории интертекстуальности стала работа русского ученого М. М. Бахтина о «чужом слове» в «своем», о диалоге как универсальной культурной категории».

«Чужим словом» Бахтин называл «всякое слово чужого человека, всякое не мое слово» (Бахтин, 1986: 367). В своем труде он объясняет, что имеется нефиксированная граница между своим и чужим словом, то есть они (границы) могут смещаться, и в результате возникает напряженная диалогическая борьба, поскольку «всякое конкретное высказывание – лишь звено в цепи речевого общения и полно ответных реакций на другие высказывания» (Бахтин, 1986: 286).

Согласно Бахтину, с одной стороны, «чужая речь может приводиться явно и быть графически выделена (кавычки), а с другой стороны, в каждом высказывании можно обнаружить целый ряд полускрытых и скрытых слов разной степени чуждости» (Бахтин, 1986: 288).

Таким образом, ученый, исследовав данный феномен, сделал вывод, что «только в точке контакта текстов вспыхивает свет, приобщающий данный текст к диалогу – этот контакт и есть диалогический контакт между текстами» (Бахтин, 384). «Нет изолированного высказывания.

Нет ни первого, ни последнего слова, нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и безграничное будущее)» (Бахтин, 1986: 393), – писал Бахтин в своей работе, делая акцент при этом на том, что раскрытие и порождение смысла происходит на пересечении текстов, «своего» и «чужого» слов, в процессе коммуникации, встречи двух

субъектов – автора и читателя, каждый из которых погружен в бесконечный культурный контекст.

В дальнейшем, в конце 1960-х гг. концепцию Бахтина подвергли интерпретации французские постструктуралисты, теоретики языка и литературы, такие как Ю. Кристева и Р. Барт. Именно их труды являются классическим выражением теории интертекстуальности.

Юлия Кристева является создателем термина «интертекстуальности», который она употребила в своей 1967 г. «Бахтин, слово, диалог, роман».

На создание данной работы ее подтолкнул труд М. Бахтина. В данной статье Кристева развила принципиальные положения теории Бахтина, при этом она отметила, что, при анализе произведения, необходимо рассматривать любое высказывание не как точку (устойчивый смысл), а как место пересечения текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма – самого автора, читателя и, наконец, письма, образованного нынешним и предшествующим культурным контекстом.

Кристева заявила, что абсолютно любой текст может строиться как мозаика цитаций, то есть любой текст - это продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста.

В силу этого, по фигуральному выражению ученой, «личность субъекта письма начинает тускнеть» (Кристева, 2004: 170), уступая место «безличной продуктивности текста» (Кристева, 2004: 240), о причине которой последний наделяется фактически автономным, независимым от воли автора существованием.

Следующий ученый, Р. Барт, продолжил разрабатывать исследование теории интертекстуальности в 1960–1970-х гг.

В своем эссе 1968 г. «Смерть автора», он утверждает, что текст сложен из множества разных видов письма, происходящих из разных культур и вступающих друг с другом в отношения диалога, пародии, спора.

По мнению данного ученого, «интертекстуальность как понятие информирует, что автор перестает быть единственным источником смысла

текста» (Барт, 1989: 391), потому как свидетельствует, что язык, который использует писатель, появляется из множества кодов и моделей, рожденных культурным пространством, в котором находятся и осознают себя автор и читатель.

Таким образом, Барт заявляет, что текст сам по себе не может больше восприниматься как автономное уникальное образование с внутренне присущим ему неизменным смыслом, который автор изначально вложил в свое произведение.

То есть текст интертекстуален по своей сути, соответственно и его смысл заключается не «внутри» него самого, а существует «между» текстами, в отношении текста к множеству других источников, причем не только существовавших до него, но и появившихся после.

Собственное значение он может реализовать только внутри читательского дискурса, так как только в сознании реципиента происходит активизация соотнесенности текста с предшествующим, нынешним и будущим культурным контекстом.

То есть, Барт заявил, что какой угодно текст может считаться интертекстом; оттого что тексты предшествующей и окружающей культуры абсорбированы им и перемешаны в нем.

Таким образом, ясно, что и Кристева, и Барт в своих научных публикациях представляются сторонниками Бахтина, хотя при этом, они преподносят их трактовку в контексте той системы взглядов на знак и текст, которая выработалась в среде французских постструктуралистов 1960–1970-х гг., в работах таких ученых как: Ж. Дерриды, идеологические взгляды которого, по мнению большинства ученых (Дж. Клейтон, Е. Ротштейн, И. П. Ильин, Н. А. Фатеева, Г. Аллен и др.), стали точкой опоры литературоведческой концепции интертекстуальности.

В то же время необходимо обозначить, что в ряде случаев ученые, употребляя в своих трудах ставший дальнейшем чрезвычайно распространенным термин «интертекстуальность», предлагали свои

интерпретации этого тезиса, которой явно отличается от первоначальной концепции Кристевой или Барта.

Постструктуралистов обоснованно осуждали за предрасположение к «абстракции и дистанцированности от реальности», которая дала толчок тому, что «в рамках этого течения не было выработано каких-либо приемлемых методов текстового анализа» (Plett, 1991: 4).

Большая часть исследователей тяготела к тому, чтобы «сузить» понятие интертекстуальности, плотнее связав ее с авторским задумкой, сознательным намерением писателя установить отношения между созданным им текстом и работами предшественников.

Причины этого, как уже было сказано, прозрачны – более чем широкая интерпретация интертекстуальности несравненно затрудняет практическое использование этого понятия при анализе текстов, выявление случаев взаимодействий конкретных текстов.

Это устремление выразительно проявилась в исследованиях зарубежных и отечественных литературоведов и лингвистов.

В их числе можно назвать таких представителей западной филологической мысли, как Ж. Женетт, М. Риффатер, Л. Делленбах, П. Ван ден Хевель, У. Бройх, Б. Шульте-Мидделих, Г. Плетт, М. Пфистер, Т. Раджан, Х. Блум, В. Мюллер и др.

В работах этих ученых, бесспорно, хранятся «следы структуралистского желания стабилизировать значение» (Allen, 2006).

Например, Ж. Женетт считает, что «ранее интертекстуальностью называли самые разные отношения между текстами, я же <...> предлагал уже более узкое определение интертекстуальности, применяя это понятие к не обязательно эксплицитным, но точечным отношениям между одним и другим текстом (таким приемам, как цитата, намек)» (Женетт, 1998: 22).

В публикациях М. Риффатера при этом тоже предпринимается попытка сузить понятие интертекстуальности. В следствии чего он вполне оправдано

вводит понятие «авторской интертекстуальности как сети ограничений, наложенных текстом на восприятие читателя» (Риффатер, 1988: 135).

«Узкое» прочтение интертекстуальности находится в приоритете среди подавляющего большинства современных отечественных ученых, как лингвистов, так и литературоведов, если брать во внимание вполне оправданное замечание Е. А. Баженовой, «рассмотрение всякого текста как интертекста “растворяет” сами понятия текста и интертекстуальности, подвергает сомнению их самоценность и целостность, не позволяет выявить различные типологические формы» (Баженова, 2003: 105).

Единые в понимании интертекстуальности как сознательной установки автора на конструирование связей между своим произведением и другими текстами, такие ученые, как И. П. Смирнов, А. К. Жолковский, М. Б. Ямпольский, Н. А. Фатеева, Н. А. Кузьмина, В. Е. Чернявская, Е. А. Баженова, В. П. Руднев, В. Е. Хализев, А. М. Зверев, предлагают более конкретные и потому более пригодные для целей лингвистического и литературоведческого анализа определения.

В частности, по наблюдениям исследовательницы Н. А. Фатеевой, интертекстуальность может быть осмыслена с точки зрения автора «как способ генезиса собственного текста и постулирования собственного “Я” через сложную систему отношений оппозиций, идентификации и маскировки с текстами других авторов» (Фатеева, 2006: 20), а читателю позволяет «углубить понимание за счет установления многомерных связей с другими текстами» (Фатеева, 2006: 16).

Как полагает В. Е. Чернявская, интертекстуальность обозначает литературный прием, «особое качество определенных текстов, которые специально ориентированы на связи с какими-либо текстами, диалог с конкретной чужой смысловой позицией, выступающей как особый способ смысло- и текстопостроения» (Чернявская, 2004: 107).

Е. А. Баженова определяет интертекстуальность как «текстовую категорию, отражающую соотнесенность одного текста с другим,

диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» (Баженова, 2003: 104).

Исследователь Н. А. Кузьмина говорит об интертекстуальности как о «перекличке текстов, маркированной определенными языковыми сигналами» (Кузьмина, 2004: 20), «глубине текста, обнаруживающейся в процессе его взаимодействия с субъектом» (Кузьмина, 2004: 26).

Термины интертекстуальность и интертекст оказались практически совершенными с точки зрения требований, которые предъявляются термину, так как они обладают точностью, однозначностью, краткостью и мотивированностью.

Они вытеснили такие описательные наименования как влияния, источники, заимствования, референции, схождения, отталкивания, традиция, отказ от традиции, следование образцу – все они очень расплывчаты по своему значению и зачастую используются с какой-либо коннотацией (оттенком оценочности).

Но, при этом у этих понятий (интертекст и интертекстуальность) есть один большой недостаток, такой как их взаимозаменяемость при использовании, что говорит о том, что эти понятия еще не устоялись.

Таким образом, как в зарубежной, так и отечественной лингвистике, во-первых, не существует четкого теоретического обоснования понятий, стоящих за этими терминами, во-вторых, не получили полного развития идеи М.М. Бахтина, сформулированные им еще в 1924 году в работе «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (Бахтин, 1986).

А именно те, согласно которым писатель, определяя в процессе творчества отношения своего текста к другим текстам, не только выходит в широкий «диалогический» контекст настоящей, предшествующей и последующей литературы, но и вырабатывает свою эстетику – мировоззрительную позицию и те художественные формы, которые наиболее адекватным образом позволяют ее выразить (Фатеева, 2006: 16).

В итоге, под интертекстуальностью и интертекстом следует понимать:

Интертекстуальность – своеобразный диалог между текстами, при котором элементы претекста (прототекста) имеют сходство с элементами воспроизводящего текста, и они могут быть видны на разных его уровнях (лексическом, стилистическом, структурном, содержательном и т.д.) и, кроме того, способствовать более полному пониманию текста.

Интертекст - соотношение одного текста с другим, диалогическое взаимодействие текстов, обеспечивающее превращение смысла.

Как мы видим, несмотря на некоторое отличие подходов и формулировок, налицо общее стремление этих ученых отразить в своих дефинициях такое лежащее в основе явления интертекстуальности свойство, как осознанное с точки зрения автора стремление установить связи между своим произведением и произведениями предшественников.

Отражение в тексте чужого слова (в том числе в юридическом аспекте авторского права) – одна из фундаментальных проблем порождения публицистического (как правило, вторичного по своей природе) текста, автор которого дает свой комментарий прецедентному событию.

Эксплицитное (выраженное материально, специально обозначенное) включение «чужой речи» может реализовываться в виде цитаты, которая «позволяет непосредственно наблюдать, каким образом один текст включается в другой.

Материалом проявления разнородности текста являются типографские приемы: отбивка цитаты, использование курсива или кавычек и пр.» (Пьегге-Гро, 2008: 84) и ссылки-референции («к ней прибегают, когда требуется лишь отослать читателя к иному тексту, не приводя его дословно» (Пьегге-Гро, 2008: 87).

Таким образом, интертекстуальность выступает основной текстовой категорией, принципом построения любого публицистического текста.

1.2. Типология интертекстуальных компонентов и межтекстовых связей

Сегодня существует несколько классификаций компонентов интертекстуальности и межтекстовых связей. Наиболее основательной типологизацией на зарубежном материале представлена в работах зарубежных исследователей П.Х. Торопа и Ж. Женетт.

П.Х. Тороп в своей статье «Проблема интертекста» предлагает считать любой акт соотнесения текстовых элементов метакоммуникацией. В ее процессе создаются метатексты – первичный текст выступает в качестве прототекста, на основе которого создан новый текст.

Для интерпретации языкового выражения, связывающего данный текст или часть текста с другим, необходимо выявить его функции в данном тексте и фиксировать актуальную связь с исходным текстом, то есть определить его толкование при помощи исходного текста.

«Текст, представленный какой-либо своей частью в другом тексте становится тем самым описывающим текстом, метатекстом» (Тороп, 1981: 39)

При классификации интертекстов ученый принимает во внимание:

1. способ примыкания метатекста к протексту (утвердительный или полемический);
2. уровень примыкания (явный или скрытый);
3. фрагментарность или целостность примыкающего текста.

Ж. Женетт предложил общую классификацию, которую описал в своей книге «Палимпсесты: литература во второй степени».

Он выделяет пять типов взаимодействия текстов: интертекстуальность как «соприсутствие» в одном тексте двух и более текстов (например, цитата, аллюзия, плагиат и др.); паратекстуальность как отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу; метатекстуальность как комментирующая

и часто критическая ссылка на свой предтекст; гипертекстуальность как осмеяние или пародирование одним текстом другого и архитектстуальность, которая понимается как жанровая связь текстов (Женнет, 1998).

Наиболее распространенный тип взаимодействия, основанный на отношении соприсутствия, то есть цитаты, аллюзии, референции и плагиат (Фатеева, 2000: 27).

Самая очевидная интертекстуальная форма в литературе – **цитата**. В «Литературном энциклопедическом словаре» (1987) приводится следующее определение цитаты: «В художественной речи и публицистике цитата – стилистический прием употребления готового словесного образования, вошедшего в общелитературный оборот. Частные случаи цитаты – крылатые слова» (Гришунин, 1987: 333).

Так французская ученая Натали Пьеге-Гро называет цитату эмблематической (иносказательной) формой интертекстуальности, так как она дает возможность наблюдать каким образом один текст включается в другой (Пьеге-Гро, 2008: 34).

Материальным проявлением разнородности текста являются типографские приемы: отбивка цитаты, использование курсива или кавычек, и пр. Также она называет цитату – минимальной формой интертекста, так как включаясь в текст во всей своей простоте и очевидности, цитата сразу же бросается в глаза и не требует от читателя особой проницательности или эрудиции.

Обнаружение цитаты происходит само собой, однако ее идентификация и интерпретация требуют огромного внимания: сам выбор цитируемого текста, его объем и границы, способы монтажа, смысл, который она приобретает при введении в новый контекст, и т. п. — все это важнейшие компоненты ее смысла.

Более сложная форма интертекстуальности – **аллюзия**. Этот термин был известен уже в XVI веке, но не смотря на давнюю традицию

использования этого слова в зарубежном литературоведении и языкознании, само явление начинает активно изучаться лишь в конце XX века.

«Большая советская энциклопедия» дает такое определение: «Аллюзия (от лат. *allusion* – шутка, намек), в художественной литературе, ораторской и разговорной речи одна из стилистических фигур: намек на реальный политический, исторический или литературный факт, который предполагается общеизвестным» (Большая советская энциклопедия).

В.Е. Хализев в характеристике аллюзии делает акцент на временной отдаленности между интертекстами: «Аллюзии – намеки на реалии современной общественной жизни, делаемы, как правило, в произведениях об историческом прошлом» (Хализев, 2004: 203).

Исследователь Л.И. Лебедева дает более развернутое определение этого термина: «Аллюзия – стилистический прием, намек на известный исторический, легендарный или бытовой факт, который создает в речи, литературном произведении, научном труде и т.п. соответствующий обобщенный подтекст». (Лебедева, 1996: 33)

Итак, по вопросу определения термина «аллюзия» в целом у литературоведов разногласий не возникает. Все они сходятся в том, что главная специфика аллюзии – это косвенная ссылка на другие литературные тексты, которая заставляет работать память читателя. Не проявляясь явно, аллюзия, как художественный прием, вносит игровой элемент.

Существует лингвистическая классификация литературных аллюзий, предложенная Н.Ю. Новохачевой, которая выделяет два вида аллюзий: те, которые остались нетронутыми. Далее ученый делит их на классы: «1. лексико-семантические аллюзии; 2. стилистические экспрессы; 3. морфологические аллюзии; 4. словообразовательные экспрессивные единицы» (Новохачева, 2004: 87). Такой подход к типологии аллюзий Н.Ю. Новохачева называет «семиотическим».

Н.А. Фатеева, придерживаясь того же подхода, делит аллюзии на «атрибутированные» и «неатрибутированные». Аллюзии с атрибуцией не

могут быть распространенными. Чаще всего приходится иметь дело с неатрибутированными аллюзиями.

Они по своей внутренней структуре построения межтекстового отношения «лучше всего выполняют функцию открытия нового в старом». Открытие требует усилий со стороны читателя, что порождает дополнительный стилистический эффект.

В типологии выделяются «центонные тексты»: «Центонные тексты представляют собой целый комплекс аллюзий и цитат (в большинстве своем неатрибутированных) и речь идет не о введении отдельных интертекстов, а о создании некоего сложного языка иносказания, внутри которого семантические связи определяются литературными ассоциациями» (Фатеева, 2000: 29).

Оценку данного направления в изучении аллюзий находим в работе Е.М. Дроновой: «Для семиотического подхода к определению сущности аллюзии характерно понимание этого явления как свободного употребления (замещения) одного слова взамен другого слова в устной или письменной речи».

По мнению исследователя, «подобная интерпретация чрезвычайно расширяет значение термина «аллюзия», фактически применяя его к многообразным видам иносказаний, недоговоренности, имплицитности и т.д. использует традиционное деление семиотики на семантику, синтактику и прагматику, исследователи данного направления обычно акцентируют специфику аллюзии как объекта прагматики» (Дронова, 2006: 46).

Е.М. Дронова отмечает, что хотя учет намерений автора и играет существенную роль при характеристике аллюзии, он тем не менее не является определяющим в толковании ее сущностных параметров.

Аллюзию в строгом смысле нельзя назвать тропом или фигурой. По определению Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева, аллюзия «представляет собой прием текстообразования, заключающийся в соотнесении создаваемого текста с каким-либо прецедентным фактом – литературным или

историческим. Аллюзия – это намек на известные обстоятельства или тексты» (Граудина, 2005: 132).

Содержащие аллюзию высказывания помимо буквального смысла несут в себе еще и второй план, заставляющий слушателя обратиться к тем или иным воспоминаниям, ощущениям и ассоциациям.

Текст как бы приобретает второе измерение, «вставляется в культуру, что и породило термин «вертикальный контекст». Л.К. Граудина и Е.Н. Ширяев подразделяют аллюзии по содержанию на исторические и литературные.

Первые строятся на упоминании исторического события или лица. Литературные аллюзии «основаны на включении цитат из прецедентных текстов (часто в измененном виде), а также на упоминании названия, персонажа какого-либо литературного произведения либо эпизода из него» (Граудина, 2005: 135).

Встречаются и смешанные аллюзии, обладающие признаками как исторической, так и литературной аллюзии.

Принципиальное отличие аллюзии от цитаты по мнению И.В. Фоменко в том, что цитата – это общее, родовое понятие, которое включает в себя аллюзию и реминисценцию.

При этом исследователь замечает: «Нужно лишь, чтобы читатель узнал этот фрагмент независимо от степени точности его воспроизведения как чужой. Только в этом случае у него возникнут ассоциации, которые и обогатят авторский текст смыслами текста-источника» (Фоменко, 2000: 497).

Н.А. Фатеева отличие цитаты от аллюзии видит в том, что «заимствование элементов происходит выборочно, а целое к высказывание или строка прецедентного текста, соотносимая с новым текстом, присутствуют в нем как бы за текстом» (Фатеева, 2000: 29).

О принципиальном отличии цитаты от аллюзии говорит и Ю. Лотман: «От цитации текстовая аллюзия отличается тем, что элементы претекста (т.е. предшествующего текста, к которому в данном тексте содержится отсылка) в

рассматриваемом тексте оказывается рассредоточенными и не представляющими целостного высказывания, или же данными в неявном виде» (Лотман, 1981: 38).

Исследователь отмечает что «неявность» часто рассматривается как определяющее свойство аллюзии, и поэтому имеется тенденция к использованию этого термина лишь в том случае, если для понимания аллюзии необходимы некоторые усилия и наличие особых знаний.

Некоторые литературоведы ставят вопрос о разграничении цитаты и **референции (реминисценции)**.

В исследовании Н.И. Усачевой решающее значение при различии цитаты и референции придается критерию «точности» цитирования, который положен в основу классификации различных форм цитирования: «собственно цитата» определяется как «точное воспроизведение какого-либо фрагмента чужого текста», а референция – как «не буквальное воспроизведение, невольное или намеренное, чужих структур, слов, которые наводят на воспоминания о другом произведении» (Усачева, 1974: 28).

По логике данного определения всякая неточная цитата является референцией (Морозов, 1985: 162). В отличие от заимствования и подражания референции бывают, по выражению А.А. Морозова, «смутными и неуловимыми»: «Как сознательный прием референция рассчитана на память и ассоциативное восприятие читателя» (Морозов, 1985: 162).

Другие ученые понимают референцию более широко, включая в понятие также заимствование сюжетов, введение персонажей, ранее созданных произведений, подражания и т.д. Так, по определению В.Е. Хализева, реминисценция – это образы литературы в литературе» (Хализев, 2004: 78).

Ссылка-референция, как и цитата, представляет собой эксплицитную форму интертекстуальности. Однако в этом случае текст, на который ссылается автор, непосредственно не присутствует в его собственном тексте. Следовательно, при ссылке устанавливается отношение *in absentia*, и к ней

прибегают, когда требуется лишь отослать читателя к иному тексту, не приводя его дословно (Пьеге-Гро, 2008: 87).

Если цитата относится к сфере эксплицитной интертекстуальности, то **плагиат** связан с интертекстуальностью имплицитной. Поэтому его краткое, но строгое определение можно сформулировать так: плагиат — это неотмеченная цитата.

Совершить плагиат — значит привести отрывок из какого-либо произведения, не указав при этом, что оно принадлежит другому автору. Обычные метафорические обозначения плагиата — кража или воровство. Он тем более предосудителен, если цитирование оказывается буквальным, а цитата длинной.

Плагиаторство расценивается как подлинное посягательство на литературную собственность, как своего рода мошенничество, ибо оно не только ставит под сомнение честность плагиатора, но и нарушает правила нормальной циркуляции текстов (Пьеге-Гро, 2008: 89).

Моральное и одновременно юридическое осуждение плагиата (как контрафактной продукции) свидетельствует о важной роли цитаты, ибо она обеспечивает равновесие — разумеется, неустойчивое, но необходимое — между циркуляцией идей и уважением к литературной собственности. Понятно, что цитата теснейшим образом связана с плагиатом, ибо ее единственное отличие — простое указание на источник заимствования.

1.3. Функции интертекста

Подводя итог всему сказанному, определим функции интертекста: Во-первых, интертекст позволяет ввести в свой текст некоторую мысль или конкретную форму представления мысли, объективированную до существования данного текста как целого. То есть «каждое произведение,

выстраивая свое интертекстуальное поле, создает собственную историю культуры, переструктурирует весь предшествующий фонд» (Ямпольский, 1993: 408).

Имеется ввиду, что в литературный текст можно ввести и фрагменты «текстов» других искусств. Таким образом, благодаря интертексту текст-реципиент вводится в более широкий культурный контекст. Межтекстовые связи создают вертикальный контекст произведения, в связи с чем он приобретает неоднородность смысла.

Теория интертекстуальности позволяет видеть «метафору» там, где происходит сближение явленного в тексте фрагмента другого текста, не представленного читателю физически (Фатеева, 2000: 37).

Смыслорождение разворачивается между синтагматическими данным и тем цельным текстовым фрагментом, что присутствует у читателя в памяти. Так два текста становятся семантически смежными. Это порождает эффект метатекстовой метонимии, предельным проявлением которой является звуковой прагматизм, когда по звуковым частям собираются анаграммированное целое. В данном случае можно говорить о конструктивной, текстопорождающей функции интертекстуализации.

Тенденция разворачивания вокруг данного текста целого «пучка» соотносимых с ним текстов других авторов позволяет художнику слова определить свое отличие от других авторов, утвердить собственное творческое «Я» среди других и по отношению к другим.

По существу, интертекстуальность становится механизмом метаязыковой рефлексии. Однако интертекстуальность и авторефлексия, доведенные до абсурда и пропущенные через теорию «деконструкции» Ж. Дерриды, как раз приводят к побочному эффекту – полному растворению, рассеиванию авторского «Я» в семиотическом пространстве «чужих» слов и образов «третьего лица».

Так стремление автора посредством семиотической и языковой игры достичь принципиальное отличие от других и самого себя на деле

оборачивается «децентрированием субъекта», «субъективность обычно расценивается как полнота, с которой «я» насыщает тексты», пишет Р. Барт (Барт, 1970: 17), - но на самом деле – это лжеполнота, это всего лишь следы тех кодов, которые составляют данное «я».

Таким образом субъективность в конечном счете представляет из себя лишь стереотипность. Значит, функция интертекста в каждом тексте определяется исключительно через «Я» его автора, т.к. введение интертекстуального отношения – это прежде всего попытка метатекстового переосмысления претекста с целью извлечения нового смысла «своего» текста.

Степень приращения смысла в этом случае и является показателем художественности интертекстуальной фигуры (Фатеева, 2000: 38).

1.3.1. Классификация, основанная на классической модели функций языка

Рассмотрим следующие виды функций, которые интертекстуальные референции могут выполнять в любом виде текста. Эта классификация основана на классической модели функций языка, которую предложил Р. Якобсон в 1960 году:

Первая функция интертекста – *это экспрессивная*, при которой автор сообщает о своих культурно-семантических ориентирах, а также прагматических установках посредством интертекстуальных референций. Таким образом, тексты и авторы, на которых осуществляются ссылки, могут быть престижными, модными, одиозными и т.д. Подбор цитат, характер аллюзий - все это в значительной мере является (иногда невольно) немаловажным элементом самовыражения автора.

Следующая функция – *апеллятивная*. Она проявляется в том, что происходит осознанная ориентация на конкретного адресата при использовании интертекста. То есть интертекстуальные референции

направлены на того, кто в состоянии эту интертекстуальную ссылку опознать, а в идеале и оценить выбор конкретной ссылки и адекватно понять стоящую за ней интенцию.

В некоторых случаях интертекстуальные ссылки фактически выступают в роли обращений, призванных привлечь внимание определенной части читательской аудитории. Реально в случае межтекстового взаимодействия аппелятивную функцию часто оказывается трудно отделить от фатической (контактоустанавливающей): они сливаются в единую опознавательную функцию установления между автором и адресатом отношений "свой/чужой": обмен интертекстами при общении и выяснение способности коммуникантов их адекватно распознавать позволяет установить общность как минимум их семиотической (а возможно и культурной) памяти или даже их идеологических и политических позиций и эстетических пристрастий.

Третья функция интертекста – *поэтическая*, которая часто характеризуется как развлекательная: узнавание интертекстуальных ссылок предстает как увлекательная игра, своего рода разгадывание кроссворда, сложность которого может варьировать в очень широких пределах - от безошибочного опознания цитаты из культового фильма (англоязычные кинозрители отчетливо опознают и атрибутируют слова *I'll be back* (Терминатор) до профессиональных разысканий, направленных на выявление таких интертекстуальных отношений, о которых автор текста, возможно, даже и не помышлял (в таких случаях говорят о "неконтролируемом подтексте", "интертекстуальности на уровне бессознательного" и т.п.).

Интертекст, несомненно, может выполнять *референтивную* функцию передачи информации о внешнем мире: это происходит постольку, поскольку отсылка к иному, чем данный, тексту потенциально влечет активизацию той информации, которая содержится в этом "внешнем" тексте (претексте).

В этом отношении когнитивный механизм воздействия интертекстуальных ссылок обнаруживает определенное сходство с

механизмом воздействия таких связывающих различные понятийные сферы операций, как метафора и аналогия.

Степень активизации опять же варьирует в широких пределах: от простого напоминания о том, что на эту тему высказывался тот или иной автор, до введения в рассмотрение всего, что хранится в памяти о концепции предшествующего текста, форме ее выражения, стилистике, аргументации, эмоциях при его восприятии и т.д. За счет этого интертекстуальные ссылки могут, помимо прочего, стилистически "возвышать" или, наоборот, снижать содержащий их текст.

Наконец, интертекст выполняет и *метатекстовую* функцию. Для адресата, который опознает некоторый отрывок текста как ссылку на другой текст всегда существует альтернатива: либо продолжать чтение, считая, что этот фрагмент ничем не отличается от других фрагментов данного текста и является органичной частью его строения, либо - для более глубокого понимания данного текста - обратиться (либо вспомнить, либо найти соответствующий претекст) к некоторому тексту-источнику, благодаря которому опознанный фрагмент в системе читаемого текста выступает как смещенный (Якобсон, 1960).

Для понимания этого фрагмента необходимо фиксировать актуальную связь с текстом-источником, т.е. определить толкование опознанного фрагмента при помощи исходного текста, выступающего тем самым по отношению к данному фрагменту в метатекстовой функции.

1.3.2. Функции интертекста в публицистике

Современные тексты массовых коммуникаций особенно широко используют интертекст – от традиционного цитирования до языковой игры.

Контекст публицистических произведений, сопряженный с динамическими преобразованиями современного социума, способствует индивидуально-авторской интерпретации указанных единиц. В результате

крылатые выражения в текстах массовой коммуникации, в том числе в интернете как новом СМИ, предстают в структурно и семантически трансформированном виде.

Таким образом, в числе основных функций интертекста в публицистике можно выделить следующие:

- информирования (чужое слово в качестве сообщения о факте);
- выражения авторской оценки (чужое слово как некий субъект, с которым согласен или не согласен автор);
- манипулирования аудиторией (чужое слово как аргумент для пропаганды авторской идеи);
- активизации внимания и восприятия аудитории (интертекст расширяет спектр познания, инициирует обращение читателя к своим интеллектуальным ресурсам);
- «декорирования» текста (придание художественной выразительности) (Смирнова, 2016: 66).

Использование интертекстуальных текстов в СМИ способствует активизации ассоциативно-образных способностей мышления, дает возможность передачи информации сопоставительно-аналитическим путем, служит средством образования различных оттенков коннотации, повышает действенность, эффективность коммуникации.

Выводы по ГЛАВЕ I

В результате рассмотрения теоретических основ интертекстуальности был сделан ряд выводов:

Во-первых, мы выяснили этапы формирования таких терминов как интертекст и интертекстуальность, начиная с предпосылки возникновения самой теории М. Бахтина, заканчивая критикой французских постструктуралистов (которые являются основоположниками классической теории интертекста) за предрасположение к «абстракции и дистанцированности от реальности», зарубежными и отечественными лингвистами, такими как Ж. Женнет, М. Раффатер, Е. Баженова, Н. Фатеева и др.

Таким образом, в ходе изучения теоретических основ, мы пришли к наиболее полным определениям интертекста и интертекстуальности.

Во-вторых, мы можем сделать вывод, что интертекст, который используется в прессе, выполняет помимо классических, еще и функции, свойственные интертекстуальным референциям только в публицистике.

Также, в ходе предпринятого обзора доступных нам работ мы обнаружили, что теория интертекстуальности не утрачивает своей популярности в современной науке. Осмысление феномена в сферах лингвокультурологии и литературоведении связано с целым рядом нерешенных, спорных вопросов, где одним из главных является проблема типологии так называемых «собственно интертекстуальных» форм в литературе.

К основным интертекстуальным формам большинство ученых относят цитату, аллюзию и реминисценцию (референцию). Отличительными чертами цитаты призваны – уместность ясность и точность. В данном случае читатель может легко разграничить авторскую и «чужую» речь, не прибегая к дополнительным источникам информации. Другими формами

интертекстуальности, подразумеваемой исследователями как инструмент, помогающий расшифровать интертекст являются аллюзии и реминисценция, по отношению к которым цитата становится более широким родовым понятием.

Аллюзия и реминисценция схожи по своим функциям и отличительным признакам, однако первая представляет собой отсылку к реальному историческому или литературному факту, который общеизвестный, а вторая – абстрактным образом либо воспоминанием, нашедшим свое отражение в творчестве писателя в целом или конкретном литературном произведении. При этом, и цитата, и аллюзия, и реминисценция как элементы текста имеют единую цель – внести дополнительные смыслы в авторское произведение и воплотить преемственность литературной традиции.

ГЛАВА II. Интертекст в заголовках англоязычных статей

2.1. Заголовок как элемент газетного текста

Объектом моего исследования является газетный заголовок, в составе которого мы в дальнейшем обнаруживали интертекстуальные референции.

Для определения заголовка как элемента газетного текста, нужно учитывать совокупность всех аспектов языкового явления, а также его функциональную направленность

Наиболее полное определение газетного заголовка, на наш взгляд, предоставила Ю. Белова: «**Заголовок** – это выделенный графически потенциально свернутый знак текста, выраженный вербальными и невербальными средствами языка, обладающий относительной авто-семантичностью, являющийся абсолютно начальным, единым для всего текста элементом, который именуется и/или характеризует текст, прогнозирует содержание, интерпретирует текст, сообщая ему дополнительные смыслы» (Белова, 2013).

Таким образом, можно говорить о многогранности и некоторой неоднозначности понятия газетного заголовка. Лингвисты рассматривают заголовок с точки зрения их функций, структуры и соотнесенности с текстом. При этом, нет единого мнения ни по одному из этих аспектов.

Заголовок – это самый заметный элемент журналистского текста, который определяет его судьбу и успешность, так как читатель в первую очередь обращает свое внимание именно на него, тем самым определяя тему материала, а также то, в каком русле автор интерпретирует события и героев публикации. Наряду с этим, заголовок представляет собой некий текст в тексте и текст о тексте, с одной стороны, стоящий над текстом, вне его и поэтому вполне независимый и самостоятельный, а с другой – важнейший

элемент текста, обусловленный другими элементами и обеспечивающий смысловое единство, и композиционную завершенность.

Самая важная задача прессы освещать события и явления общественной и политической жизни, а также обозревать различные аспекты деятельности человека. Таким образом, заголовок отвечает за эффективность восприятия газетного текста, при этом происходит экономия усилий реципиента при поиске необходимых ему сведений. Изучаемый нами элемент текста выполняет при этом номинативную функцию, то есть дает тексту название, что позволяет распознать нужный текст из ряда подобных ему.

Нет единого мнения по поводу определения функций заголовка, в следствии чего происходит либо их соединение со средствами их выражения, либо слияние нескольких друг с другом, образуя при этом одну функцию.

Григорий Осипович Винокур в своей работе «Глагол или имя?» акцентирует внимание на трех первостепенных функциях заголовка, таких как обозначающая, указательная и рекламная. Он пишет, что назначение заглавия "...в том, чтобы указать на событие и его обозначить". Более подробно Г.О. Винокур раскрывает рекламную функцию, задачи которой, по его мнению, сводятся к тому, чтобы «...разрешить проблему внешней занимательности, увлечь читателя, заинтриговать заманчивой сюжетностью» (Винокур, 1928).

Валентин Павлович Вомперский выделяет у заглавия следующие четыре функции: аппелятивную (или воздействующую), графически-выделительную, коммуникативную и экспрессивную (Вомперский, 1971).

С.П. Суворов в статье «Особенности стиля газетных заголовков» функции заглавий определяет следующим образом:

- 1) отделить одно сообщение или один материал от другого;
- 2) привлечь внимание к тому или иному материалу;
- 3) сжато сообщить основное содержание помещенного материала;

- 4) заинтересовать читателя;
- 5) оказать на него определенное эмоциональное воздействие (Суворов, 1965).

Но, по мнению В.С. Мужева, вторая и четвертая функции обозначают одно и то же и их следует объединить, т.к. в данном случае С.П. Суворов смешивает функции и средства их выражения. Таким образом, лингвистами выделяются у заголовка несколько разнообразных функций, определенная часть из которых «...недостаточно обоснованы, в некоторых неясно, что имеется в виду. Выделенные функции заголовка, по-видимому, являются основными и существенными, хотя их классификация является неполной и имеет много недостатков. Отсутствует и очень важное для анализа указание на связь этих функций со стилями речи и видами публикаций» (Мужев, 1970)

Как видим, мнение исследователей по поводу функций газетных заголовков очень разнообразно. Можно, однако, сказать, что, в основном, лингвисты выделяют следующие функции заголовков:

1. назывная;
2. информативная;
3. экспрессивно-апеллятивная;
4. рекламная;
5. разделительная.

При этом наиболее важные функции определяющиеся типом текста - это либо информативная либо экспрессивно-апеллятивная, либо рекламная. И в зависимости от того, какая из них является преобладающей, можно говорить о неинформационном или информационном типе заглавия.

Заголовок, заранее несет в себе конкретную информацию о содержании и об авторской оценке.

Так как реципиент выбирает только то, что представляет для него интерес, руководствуясь названиями публикаций, то принято выделять несколько ключевых требований к заголовку, таких как информативность, выразительность и соответствие содержанию.

С точки зрения таких требований Э. А. Лазарева в своей работе «Заголовок в газете» предлагает несколько классификаций заголовков (Лазарева, 1989).

- I. Типы заголовков по связи заголовка с последующим текстом.
- II. Классификация заголовков по информативности.
- III. Классификация, которую предложил М.А. Шостак.

Согласно первой классификации различия заголовков происходят в соответствии с тем, сколько элементов смысловой схемы текста выражает заглавие (один или несколько). По этому признаку выделяются однонаправленные и комплексные заглавия.

1. *Однонаправленные заголовки* соотносятся с одним элементом смысловой структуры текста.

Цель — сообщить читателю о теме публикации, которую ему предлагает газета.

В основном заголовки выражают тему следующего за ними текста. Некоторые заголовки отражают отдельный факт, событие: *Weather causes transport problems across country* (Timminspress; January 15, 2017).

Гораздо реже можно встретить заголовки, которые определяют основного героя публикации. Также заглавие может содержать цитату или известное выражение, имеющее связь с описываемым событием, или же представлять собой аналитическую оценку ситуации, актуализируя при этом идею текста.

2. *Комплексные заголовки*, в свою очередь соотносятся с несколькими элементами структурной схемы текста одновременно. Они несут в себе более сложные сведения.

Обычно в заглавиях авторы стремятся к краткости и емкости, они лишь называют тему текста, а чаще лишь заманивают читателя своей броскостью. Анализирует и оценивает описанное в тексте сам читатель, авторское же мнение прослеживается по тексту: *Vincent Browne: "The present crowd and*

Fine Gael-Labour crowd will not make any appreciable change” (The Irish Times; May 22, 2013).

Вторая классификация заголовков строится на том, полностью или не полностью отражен в них тот или иной элемент текста. По признаку полноты выражения какого-либо смыслового элемента произведения заголовка включает в себя: полноинформативные или пунктирные (неполноинформативные), которые в дальнейшем подразделяются на номинативные и предикативные.

Заголовки *полноинформативные* содержат тезис текста (развивающий основную мысль), или тему всего текста. В них содержится сигнал о том или ином элементе смысловой схемы текста, или основную мысль его, или любой тезис, развивающий основную мысль: *Christmas Fun for kids* (The Irish Times; December 10, 2010).

Полноформативный номинативный заголовок - заголовок, назначающий тему последующему тексту и выполняющие роль знака текста, аналогично именам собственным, которые служат названиями географических объектов, заводов, пароходов: *Good news for Schumacher* (Timminspress; June 6, 2017).

Полноформативный предикативный заголовок - заголовок, представляющий собой развернутый тезис, отражающий предмет статьи и его предикат, давая, таким образом, предсказание смысла последующего текста *Ministers of State will come down to geography* (The Irish Times; May 19, 2016).

Пунктирный (неполноинформативный) заголовок - заголовок раскрывающий не весь тезис текста, а только его часть - логическую тему или предикат. В таком названии может быть только сигнал о предмете речи или его признаке: *Service with a snarl* (Sfweekly; June 17, 2009).

М. А. Шостак в своей статье выделяет следующие типы заголовков:

1. *Повествовательный заголовок.*

Используется для новостей. Метод подачи информации заключается в спокойном простом изложении сути: *Furious China calls off EU summit* (The Guardian; November 28, 2008).

2. Заголовок-констатация.

Может состоять из двух-трех предложений. В этом случае заголовок становится как бы отдельным кратким сообщением. Используется для репортажей и портретных интервью, как правило, с ироничным или игровым оттенком: *Echoes of Bush in Obama's government* (The Guardian; February 10, 2008).

3. Заголовок-резюме или комментирующий заголовок.

Такие составные заголовки создают дополнительные возможности для комментирования текста. Часто в них используются безличные и неопределенно-личные формы. Не редко заголовки - резюме содержат ироничную оговорку: *To be a journalist in Russia is suicide* (The Guardian; November 23, 2008).

4. Заголовок-парадокс.

Он пробуждает любопытство, шокирует читателя, а иногда искусственно усиливает значимость сообщения не особенно важного: *Russians With Pumpkins Protest Many U. S. Plots* (The New York Times; November 2, 2008).

5. Имена в заголовке, упоминание участников события.

Усиливает интерес к тексту: *Economy Is Subject as Putin Is Peppered* (The New York Times; November 4, 2008).

6. Заголовок-цитата.

Эффективен и очень распространен. Здесь возможно прямое цитирование с указанием источника, благодаря чему создается впечатление достоверности: "1987 Predictions From Bill Gates: "Siri, Show Me Da Vinci Stuff"" (Smithsonian; June 27, 2012).

7. Игровой (образный) заголовок:

Формирует эмоциональную реакцию, призванную вовлечь читателя в текст: *Nigeria: Still standing, but standing still* (BBC News; September 27, 2010).

8. Заголовок - обращение.

Такой заголовок может звучать как призыв, иногда в пародийной форме:

Extinct animals may be back but don't hold your breath over mammoth (The Times; November 4, 2008).

Заголовки не всегда соответствуют содержанию текста, они могут быть не док конца понятными, двусмысленными и остаются таковыми даже после прочтения текста.

Это объясняется тем, что автор хочет привлечь внимание к своей статье. В то же время он не всегда понимает взаимоотношения между заголовком и текстом.

Часто в публицистике авторы используют интертекстуальность. Например, для заголовков характерны следующие два способа применения интертекстуальных референций:

- Дословное воспроизведение, при этом само включение чужеродной единицы выступает как средство экспрессии.
- Трансформация формы устойчивого выражения или слова, что служит рождению новых смыслов (иногда целого «пучка» смыслов).

Использование нтертекстуальных трансформированных высказываний в СМИ снижает первоначальный смысл, служит возникновению иронического отношения как к первоначальному прецедентному факту, так и к его современному варианту.

Таким образом, интертекстуальное отношение представляет собой одновременно и конструкцию "текст в тексте", и конструкцию "текст о тексте".

Интертекстуальные связи заголовков СМИ – это не случайные совпадения или неосознанные воспроизведения известных цитат, а именно сознательные намёки, ссылки на авторитетное мнение другого автора по

тому или иному вопросу, используемое в заглавии с целью усиления воздействия на как можно большего количества человек.

2.2. Анализ интертекстуальных референций, претекстами которых являются латинские крылатые выражения

Донором следующих интертекстов являются латинские выражения, такие как “o tempora, o mores” – о времена, о нравы, per “aspera ad astra” - через тернии к звездам и “veni, vidi, vici” - пришел, увидел, победил.

“*O Tempora, O Tempora, O Democrats*” (The New York Times; June 19, 1984 год).

В данной статье речь идет о том, что герой данной статьи – женщина, которая впервые получила право баллотироваться в вице-президенты. Одной из ее основных достоинств стала красота, безупречная репутация и муж-политик. Таким образом, в статье говорится о том, что с 1924 года за 60 лет произошли резкие изменения в положении женщин в обществе. Таким образом, Лена Джонс Спринг благодаря демократии и сдвиге в сознании людей, оказавшись в свое время и на своем месте, смогла существенно изменить положение женщин.

Здесь мы видим неатрибутированную цитату и языковую игру с претекстом.

Происходит повтор одного из компонентов текста-донора (O tempora) и замена O Mores на o Democrats.

Таким образом, подчеркивает значимость времени в данном тексте (время наделения женщин и мужчин равноправием на политической арене) и демократия является причиной этому, так как именно благодаря ей Лена Джонс получила возможность баллотироваться.

Основная функция данного интертекста – экспрессивная, то есть автор посредством отсылки к данному претексту обращает внимание читателей к этой проблеме.

С точки зрения публицистики функция данной интертекстуальной референции – активизация внимания и восприятия аудитории.

Следующий пример на это выражение: *“If Not for Galitzine, O Tempora, O Fashion”* (The New York Times; January 20, 1971).

В данной статье речь идет о знаменитом итальянском модельере: Ирен Галицыной (*Irene Galitzine, 1916/18 – 2006*), которая известна своей коллекцией брюк, получивших название *“palazzo pajama”*. Она, в Риме, 19 января, одетая в черные шорты и тонкую шелковую блузку, отстояла честь итальянской моды перед открытием весны и доказала, что женщинам старше 18 лет можно доверять в коротких штанах. Вся затея этого показа казалась, на первый взгляд, провальной и не воспринималась в серьез. Но то, что она продемонстрировала на показе шокировало публику и произвело настоящий фурор в мире моды.

Так мы видим, что изначально в заголовке имеется намек, подсказывающий и направляющий читателей в нужное русло.

Интертекстуальная референция трансформирована с помощью добавления компонента *“if not for Galitzine”*, который конкретизирует тему данной статьи, а также имеется вставление *“o fashion”*, вместо *“o mores”*, таким образом, в заголовке дается четкое представление о тематике данного текста.

Вставление цитаты в общую конструкцию заголовка, демонстрирует общность «своего» и «чужого» текстов, в этом случае заимствованные компоненты становятся точками схождения «чужого и своего» на уровне семантико-композиционной структуры.

Публицистическая функция данного интертекста – «декодирование текста». То есть автор использует «чужое слово» для придания художественной выразительности этому заголовку.

Претекст следующей интертекстуальной референции – *per aspera ad astra* (через тернии к звездам).

“*Ad astra per aspera?*” (The New York Times; January 20, 1971) – это заголовок-обращение, о чем свидетельствует маркер - вопросительный знак в конце. Также, имеется метатекстуальность как пересказ.

Анализируя данный заголовок, первое, что бросается в глаза это перестановка компонентов, инверсия. В привычном понимании, это выражение имеет смысл в том, что человек достигнет «звезд», успеха только в том случае, если будет стараться, пройдет через «тернии». Но здесь мы видим, что автор обращает внимание на обратную последовательность, на так называемую «регрессию». То есть происходит обратный разворот событий, спускание со «звезд» к «терниям».

Тема данной статьи - образование. Автор рассказывает, что некая Иссая Робинсон, столкнувшись с упорным отказом студентов учиться, решила обратиться к сверхъестественному руководство, а точнее к астрологии. Здесь идет пересечение с заголовком (астрология – наука, изучающая то, как звезды влияют на жизнь и судьбу человека, и латинское выражение имеет в своем составе тему звезды, как нечто недостижимое, но то, к чему следует стремиться).

Таким образом, здесь можно проследить сарказм автора: то есть то, что изначально было целью, благом, в настоящем, в буквальном смысле – некорректно и недопустимо (в образовании).

Основная функция данной интертекстуальной референции – это апелляция. Интертекстуальная ссылка выступает в роли обращения и призвана привлечь внимание определенной читательской аудитории.

Публицистическая функция – активизация внимания и восприятия аудитории, то есть интертекст расширяет спектр познания, а также функция «декодирования» текста, то есть придание ему художественной выразительности.

“*PER ASPERA AD ASTRA*” – заголовок следующей статьи (BBC News; July 25, 2007).

Это однонаправленный заголовок-цитата, которая не трансформирована и не имеет атрибуции.

В данной статье говорится о том, что читатели страницы «Сторожевой башни», даже те, кто, возможно, был настроен пессимистично в отношении к нации, найдут самые утешительные новости об Америке. Покойный господин Морган, который был «быком в этой стране», и покойный спикер Кэннон, который провозгласил это «адским успехом», снова оказались на правильной стороне политической философии.

То есть, как мы можем понять, герои данной статьи – политики, которые скончались. Отношения к их деятельности вызывали негодования у определенной части аудитории, то есть были некоторые трудности (тернии) с правильной, на их взгляд, оценки «политической философии» по отношению к этим людям. Но теперь, все нормализовалось, и их «политическая философия» вернулась в прежнее русло.

Функция данного заголовка – экспрессивная, то есть происходит самовыражение автора через подбор данной цитаты, также имеется поэтическая функция, главная цель которой развлечь и привлечь аудиторию.

Публицистическая функция – активизация внимания и восприятия аудитории.

Следующий пример: “*Wine War Scorecard: Veni, Vidi, Vici*” (Винная карта войны: пришел, увидел, победил) (The New York Times; February 4, 1979). В данной статье речь идет о том, как один предприимчивый итальянец покорила Америку. Проанализировав рынок потребления вина в США и изучив предпочтения американцев, предприимчивый импортёр выяснил, что они любят легкие фруктовые напитки.

У итальянцев был такой напиток – ламбруско: «идеальный напиток, чтобы отучить американцев от Coca-Cola!». Успехом данного предприятия восхитились даже французы.

Таким образом, был продемонстрирован удачный и легкий способ достижения своей цели, то есть итальянцы победили в тот момент, в так называемой войне за рынок сбыта вина. Как говорится: «пришли, увидели, победили».

Здесь использована трансформация – добавление компонентов, для расширения изначального смысла, и для того, чтобы заинтересовать читателя.

Функции данного заголовка можно классифицировать следующим образом:

Во-первых, имеется цитата без атрибуции, которую автор использует в качестве стилистической фигуры для придания заголовку выразительности и красочности.

Во-вторых, данная интертекстуальная референция выполняет экспрессивную, поэтическую и референтивную функции. Выбор данной цитаты сообщает о культурно-семиотическом ориентире автора. В этом отношении когнитивный механизм воздействия интертекстуальных ссылок обнаруживает определенное сходство с механизмом воздействия таких тропов, как метафора и аналогия.

Публицистическая же функция данной интертекстуальной референции – активизация внимания и восприятия аудитории. Интертекст расширяет спектр познания, инициирует обращение читателя к своим интеллектуальным ресурсам.

2.3. Анализ интертекстуальных референций, претекстами которых являются произведения У. Шекспира

Уильям Шекспир (*William Shakespeare*; 1564 - 1616) — английский поэт и драматург, зачастую считается величайшим англоязычным писателем и

одним из лучших драматургов мира. Часто именуется национальным поэтом Англии. Дошедшие до нас работы, включая некоторые, написанные совместно с другими авторами, состоят из 38 пьес, 154 сонетов, 4 поэм и 3 эпитафий. Пьесы Шекспира переведены на все основные языки и ставятся чаще, чем произведения других драматургов (Википедия).

Проанализируем такой заголовок: *“Washington talk: politics; to be or not to be a protest candidate”* (The New York Times; January 19, 1987) – Вашингтон говорит: политика; быть или не быть кандидату-оппозиционеру.

Здесь мы видим комплексный полноинформированный заголовок – констатацию. Он содержит референцию, которая заимствована из произведения Уильяма Шекспира «Трагическая история о Гамлете, принце датском» (*The Tragical Historie of Hamlet, Prince of Denmarke, 1600—1601*).

Так, в заголовках английских газет очень часто употребляется первая строка знаменитого монолога Гамлета *To be, or not to be: that is the question...* (Быть или не быть – таков вопрос...), которая подвергается различным структурным трансформациям: базовая структура может быть сокращена или расширена за счет добавления дополнительных компонентов.

Интертекст используется здесь как стилистический прием, как троп с целью активизации внимания и придание выразительности, то есть, на лицо – декодирование текста.

Также этот интертекст выполняет и метатекстовую функцию, то есть идет ссылка к тексту-донору.

В данной статье говорится о том, что в правительстве ведутся споры по поводу того, будет ли «Патрик Дж. Бьюкенен баллотироваться в президенты? Директор по коммуникациям президента Рейгана взволнованно стучит пальцами по столу Белого дома, размышляя над ответом».

То есть можно провести аналогию с шекспировским Гамлетом, когда он размышлял о том быть ему в этом бренном мире или же умереть. Так и здесь, в ироничной форме, автор данной статьи показывает, что Патрик Бьюкенен колеблется подобно Гамлету в принятии решения.

Для понимания этого заголовка в системе читаемого фрагмента необходимо фиксировать актуальную связь с текстом-источником.

Приведем пример, где имеется другая распространённая формальная трансформация цитаты – это замена её компонентов, выраженных как знаменательными, так и служебными частями речи. Замена знаменательных лексем, передающих существенные претекстовые семантические признаки цитаты, приводит к кардинальной перестройке её смысла в новом контексте.

Например, в знаменитом вопросе Гамлета глагол *to be* заменяется на любой другой, который соответствует ситуации, представленной в статье: *“To read, or not to read, novels on a mobile phone. That is the question”* (The Times; December 6, 2007) (Читать или не читать романы по мобильному телефону. Таков вопрос) или *“To google or not to google? It’s a legal question”* (Independent; August 12, 2006).

Заголовок следующей статьи содержит известную интертекстуальную референцию, заимствованную из произведения Уильяма Шекспира «Король Лир» (*King Lear, 1605-1606*).

“The wheel has come full circle” (BBC News; March 26, 2017).

Изначально данная референция имела вид: *«Edmund: "Thou hast spoken right, 'tis true; The wheel is come full circle; I am here" (Эдмунд: "Да, правда, колесо судьбы свершило Свой оборот. Я здесь и побежден).* Но в дальнейшем она стала идиомой, и употребляется в значении: совершён полный оборот, описан круг, пришёл к тому, с чего начал.

Это однонаправленный заголовок – цитата без атрибуции, то есть происходит дословное воспроизведение без какой-либо трансформации.

В данной статье речь идет о том, что почти прошел год (совершен полный оборот), и стремительно приближается пасха, а с ней и традиционный туристический сезон Сарка, к которой идет подготовка полным ходом.

Функция данного интертекста в большей степени – экспрессивная, то есть посредством интертекстуальной ссылки автор сообщает о своих

культурно-семиотических ориентирах, также этот интертекст выполняет и метатекстовую функцию.

Публицистическая функция данной референции – активизация внимания и восприятия аудитории, то есть интертекст расширяет спектр познания, инициирует обращение читателя к своим интеллектуальным ресурсам.

“*All the World's a World Stage*” (Весь мир – театр) – это одна из наиболее цитируемых фраз Шекспира – начало монолога Жака из второго акта комедии «Как вам это понравится» (*As you like it*, 1623).

В современных газетных статьях наблюдается сужение референции этой метафоры: «мир» становится равным размерам «театра», поскольку она употребляется для характеристики исполнительского искусства, например в статье “*All the World's a Stage*” (The New York Times; June 27, 2003) говорится о молодежной вокальной поп-группе из Ирака.

В другой статье “*All the world's a stage -- especially classrooms, says school union*” (Весь мир – театр, особенно аудитории, как говорит школьное объединение) (The New York Times; August 2, 2006) референция употребляется более узко. Данный заголовок комплексный, а также полноинформативный предикативный, так как он дает нам возможность предсказать то, о чем данная статья.

В ней идет речь о театральном искусстве, и она посвящена обучению учителей актерскому мастерству (как мы видим в заголовке говорится о театре при помощи фразы из комедии У. Шекспира).

Таким образом, данный заголовок выполняет главным образом референтивную функцию, то есть автор использует данную интертекстуальную ссылку для активизации той информации, которая содержится в претексте, при этом происходит стилистическое «возвышение» текста данной статьи.

В ряде статей данная цитата обозначает творчество самого Шекспира, постановки его произведений на современной театральной сцене: “*All the*

world's a stage for Brustein” (BBC News; September 2, 2007), “All the World's His Stage” (Весь мир его сцена) (The New York Times; January 15, 2007), где дейктическое слово «his» указывает на Шекспира.

Изменение экстенционала приводит к превращению шекспировской метафоры в метонимию, поскольку основанием тропа является не сходство между «миром» и «театром», а замещение более широкого понятия «мир» более узким «театр», которое само является метонимией «творчества Шекспира». В новом контексте цитата реализует отличные от претекстового сигнификативное и коннотативное значения, даже если формально остается без изменений.

“*AT YALE, ALL THE WORLD'S A STAGE*” (The New York Times,; November 24, 1985). Данный комплексный, полноинформативный предикативный заголовок изначально сообщает нам о том, что данный университет продолжает «слияние» с театром. Почти каждый уик-энд в течение учебного года потенциальный зритель может увидеть игру не только на двух основных сценах университета, но и в таких нетрадиционных пространствах, как столовые, художественные галереи, библиотеки и даже сквош-корты.

Здесь же также происходит изменение экстенционала, где мы видим замещение более широкого понятия «мир» более узким «университет».

То же самое происходит в следующем заголовке “*ALL THE WORLD'S A TELEVISION STAGE*”. (The New York Times; January 5, 1964), только здесь мы видим трансформацию – замена компонентов: театр на телевидение. Автор поднимает актуальные проблемы для своего времени. Именно тогда, произошел телевизионный бум и театр отошел на второе место. Таким образом данная референция выполняет аппелятивную функцию, активизирует внимание аудитории. Итак, данные референции выполняют и метатекстовую функцию, где автор пытается с помощью данного интертекста привлечь внимание людей к конкретной проблеме через заголовок, где он

ссылается на У. Шекспира, который считается одним из лучших драматургов мира.

“OP-CHART; All the World's a World Stage” (The New York Times; May 22, 2011). Здесь мы видим, что автор употребляет избыточность средств выразительности, а именно – тавтологию - повторение однокоренных слов или одинаковых морфем. В данном случае это тонкий стилистический прием для того, чтобы сделать акцент на теме статьи.

«Цель внешней политики», - рассуждал Джон Ф. Кеннеди, - «не значит, чтобы выступить за собственные чувства надежды или негодования; Он должен формировать реальные события в реальном мире». И реальный мир населен другими лидерами, каждый из которых имеет свои собственные конкурирующие надежды и возмущения.

А также автор проводит аналогию с театром, сравнивая мировых лидеров с актерами, которые ждут своего часа на мировой арене. Данный заголовок содержит интертекстуальную референцию, использование которой оправдано, выполняя при этом помимо метатекстовой функции – экспрессивную, поэтическую, а также помогает в выражении авторской оценки и активизации внимания и восприятия аудитории.

Таким образом, произведения Уильяма Шекспира остаются популярными и в наши дни, они постоянно изучаются и переосмысливаются в соответствии с политическими и культурными условиями.

2.4. Анализ интертекстуальных референций, претекстами которых являются тексты песен и речь героев кинофильмов

Например, в заголовках англоязычных газет часто используется цитаты из речи героев фильмов. Так, знаменитая фраза Ретта Батлера (*Rhett Butler*), главного героя культового фильма «Унесенные ветром» (*Gone with the Wind*,

1939): “*Franklin, my dear, I don’t give a damn*” очень часто используется в прессе. Так в The NY Times статья имеет пунктирный заголовок: “*Frankly. My dear, Russians Do give a Damn*” (The New York Times; August 29, 1994).

Заголовок сразу наталкивает на мысль, что речь пойдет о русских, о фильме «Унесенные ветром». В этой статье говорится о том, что писательницы из России объединились и написали свое собственное продолжение знаменитой истории.

Этот сиквел приобретает невероятную популярность и становится известным для зарубежных критиков, которые считают его незаконным и просто «вопиющим» на сегодняшний день.

Таким образом, здесь идет пересечение с заголовком, в котором и говорится, что «русским наплевать», поскольку несанкционированные сиквелы, в соответствии с российским законодательством, не являются откровенным пиратством.

В этом заголовке мы видим вставление элементов с целью придания фразе нового смысла. Основная функция номинативная, но при этом четко прослеживается метатекстуальность, автор проводит параллель между фильмом и статьей, используя заголовок.

Претекстом следующей интертекстуальной референции является известная фраза из «Звездных войн» (Star Wars, 1977 – наст.вр.): “*May the Force be with you*” - «Да прибудет с вами Сила». Эту фразу не раз произносили многие персонажи трилогии, а вслед за ними и многочисленные фанаты «Звездных войн».

Выражение «Да пребудет с тобою (вами) Сила» представляет собой пожелание удачи в устах тех, кто верит в существование этой силы. Так, в эпизоде «Новая надежда» (Star Wars. Episode IV: A New Hope, 1977) Хан Соло (Han Solo) произносит эту фразу, желая удачи Люку (Luke Skywalker). Заметим, что образцом для ее создания стала христианская молитва «Да пребудет Господь с тобой и с твоей душой» - “*May the Lord be with you and your spirit*”.

Таким образом, мы видим, что данная интертекстуальная референция имеет изначально структуру «текст в тексте».

Итак, Сила — вездесущая, сверхъестественная энергия, используемая духовными орденами ситов и джедаев. Следует отметить, что основные идеи Силы согласуются со многими представлениями реально существующих мировых религий, в число которых входят верования кельтов-друидов и японская религия синто.

Кроме того бросается в глаза, что понятие Сила обладает большим сходством с китайской философией цигун. А представление о том, что Сила делится на темную и светлую стороны вполне согласуется с общепринятой в восточной философии теорией о существовании двух начал «инь» и «ян». Впрочем, нужно сказать, что это сравнение не вполне точно, поскольку джедаи рассматривают темную сторону Силы как зло, чего нет в представлении о двойственности «инь» и «ян».

Кроме того, концепция двойственности Силы близка идеями зороастризма, который говорит о вечном противостоянии единого бога Ахурамазды и злого духа Аримана. В этом явно прослеживается сходство с представлениями о светлой и темной стороны Силы.

Можно сказать, что Сила представляет собой некую метафору духовности, сплав множества реально существующих философских и религиозных учений.

Журналисты очень часто используют данную интертекстуальную референцию, так как она узнаваема и с легкостью трансформируется.

Данную фразу можно встретить в публицистике в виде игрового заголовка.

Например, в The New York Times была опубликована статья под заголовком: “May the Force Be With(in) You” (The New York Times; March 22, 1999). Здесь мы видим референцию, которая ссылается к определенной фразе из вышеупомянутого фильма. Но при этом, имеется игра слов, союзы with и within, практически идентичны, и автор в скобках указывает (in), тем самым,

давая понять, что сила не только эксплицитна, но и имплицитна по своей природе.

Тема данной статьи образование, где автор поднимает на примере «Звездных войн» проблемы детской морали: «фильмы для детей сегодня должны «укреплять современную мифологию и вводить некую базовую мораль. Все забывают говорить детям: «Это правильно, а это неправильно»», тем самым, он просит поразмышлять своих читателей о том, какую роль фильмы и телевизионные шоу играют в формировании детской нравственности.

Таким образом, данная интертекстуальная референция имеет апеллятивную функцию. Интертекстуальная ссылка выступает в роли обращения и призвана привлечь внимание определенной части читательской аудитории.

Также, данный интертекст выполняет и метатекстовую функцию. Здесь, мы видим интертекстуальную связь между публицистическим текстом и произведением кинематографа.

Следующий пример. Название песни Джона Леннона (*John Lennon, 1940 – 1980*) “*Give peace a chance*” (дайте миру шанс), которую он написал во время своей знаменитой постельной акции протеста (*Bed-In For Peace, 1969*).

Таким образом, эта фраза изначально несет в себе призыв к борьбе за мир, поэтому ее часто используют без изменений, не трансформируя. Так, в статье под заголовком “*Give Peace a chance*” (*The New York Times; May 28, 2005*), повествуется о том, что происходит сокращение количества войн. Автор сообщает данную информацию в саркастическом тоне. Так войну в Ираке описывает просто как прагматическое предприятие для поддержания потока нефти.

Таким образом автор рассказывает о «парадоксе прогресса»: чем лучше живется одним, и хуже другим, тем меньше первые замечают боль и страдания других народов. Кроме номинативной, данный заголовок

выполняет апеллятивную функцию: автор как и Джон Леннон призывает к миру и доброте, привлекая внимание читателей с помощью этой фразы.

Но эта интертекстуальная референция может и видоизменяться. Например, такие заголовки в *“Peace one Day: We’re trying to give peace a chance”* (Однажды наступит мир: мы пытаемся дать миру шанс) (BBC News; September 21, 2011) или “UN: *“Give peace a chance’ in South Sudan”* (ООН: «дайте миру шанс» в Южном Судане) (BBC News; December 26, 2013).

Рассмотрим первую интертекстуальную референцию. Здесь, мы видим, что автор использует такую трансформацию как добавление компонентов для расширения значения. В данной статье речь идет о проведении специального концерта, посвященного международному дню мира ООН. Во второй статье повествуется о том, что специальный представитель Организации Объединенных Наций в Южном Судане призывает руководителей страны приказать своим силам сложить оружие.

Данная интертекстуальная референция видоизменена с помощью добавления компонентов, также имеется ее маркировка кавычками. Такие цитаты всегда напрямую связаны с темой статьи и развивают её, уточняя, подтверждая и иллюстрируя примерами приведённые в статье факты и точки зрения. Они выполняют прежде всего информативную функцию, хотя при этом и не исключается экспрессивно-воздействующая функция.

Следующая статья имеет однонаправленный, пунктирный заголовок *“The yanks are in”* (Янки здесь) (BBC News; April 9, 2017).

Янки (Yankee) — в Северной Америке, в Соединенных Штатах так издавна называют жителей Новой Англии. В Европе «янки» сделалось нарицательным именем граждан великой американской республики. С этим именем соединяют типичные черты североамериканцев как положительного, так отрицательного характера. Слово Yankee происходит вероятно от неправильного произношения индейцами слова English или Anglais, как Yengees или Yengee (Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона).

Yanks – это сокращенная форма от Yankee, сленговое выражение.

Выражение «Янки здесь» закрепилось после выхода песни "Over There" (Вон там) 1917 года, была написана Джоржем М. Коханом (*George M. Cohan, 1898 – 1942*). Эта песня была популярна в Соединенных Штатах во время двух мировых войн. Песня носит патриотический характер, в которой рассказывается о юноше по имени Джонни, призывая его взять оружие и защищать свою страну и отправиться на войну с немцем. __ Наиболее запоминающаяся часть данной песни "*The Yanks are coming*" (Янки идут).

Как мы видим, данная песня носит патриотический характер и эта строчка имеет в данном контексте положительную коннотацию.

Как мы видим, данная интертекстуальная референция "the Yanks are in" говорит о совершенном действии. То есть изначально, в тексте –источнике данная фраза имела форму настоящего продолженного времени (Present Continuous), то есть на лицо процесс выполнения действия "Yanks are coming" (Янки идут - они наступают).

Здесь же, исходя из названия, мы видим, что они уже пришли, они уже здесь. Автор использует настоящее простое время (Present Simple) для описание политического состояния Соединенных Штатов, он рассказывает о том, чего добился американский народ после «нападения на Перл-Харбор» в 1941 году. Данное событие еще называется «Гавайская операция», в ходе которой Япония внезапно напала на военно-морскую и воздушные базы США, расположенные в окрестностях Пёрл-Харбора на острове Оаху (Гавайские острова).

Вот уже 75 лет ежегодно 7 декабря в Соединенных Штатах отмечается "день позора", так как это событие имело своим последствием не только вступление Соединенных Штатов во Вторую мировую войну, но и определило будущее всего мира, в котором США, стали глобальной супердержавой.

Таким образом данная интертекстуальная референция помогает автору с помощью заголовка активизировать внимание читателей, интертекст

расширяет спектр познания, инициирует обращение читателя к своим интеллектуальным ресурсам. Также мы видим «декодирование текста», с целью придания ему художественной выразительности.

Заголовок следующей статьи “*It takes two to tango*” (для танго нужны двое) (The New York Times; June 15, 2005). Претекст данной интертекстуальной референции – Название песни *Takes Two to Tango*, которая была написана 1952 году Ал Хоффманом (*Al Hoffman, 1902 – 1960*) и Диком Маннингом (*Dick Manning, 1912 – 1991*). Исполнила эту песню Перл Бейли (*Pearl Bailey, 1918 - 1990*).

Данная фраза в последствии стала идиоматическим выражением, выражающее то, что для достижения какой-либо цели необходимо взаимодействие двух сторон. Чаще всего употребляется с отрицательной коннотацией.

Как известно, танго – это танец, который требует двух партнеров, работающих в тендеме. Таким образом, данное выражение употребляется в том случае, если у кого-то не получается сотрудничать, но им необходимо наладить взаимоотношения для достижения общей цели.

В данной статье говорится о том, что Нью-Йорк - это мировая сцена, на которой очень часто выступают иммигранты, особенно из восточной Европы, которых очень сильно привлекает данный вид спорта. Тысячи жителей Нью-Йорка зарегистрированы на вебсайтах, посвященных оказанию помощи танцорам в поиске партнеров, а такие соревнования, как *Manhattan Amateur Classic*, в которых задействовано 350 пар в этом году, могут привлечь более 1500 зрителей.

Данный заголовок выполняет аппелятивную функцию, привлекает внимание читателей к своей проблематике, используя нетрансформированную интертекстуальную референцию, которая напрямую связана с темой статьи.

Выводы по ГЛАВЕ II

В ходе нашего анализа мы изучили заголовки англоязычных газет, в состав которых входят интертекстуальные референции, а также классифицировали их в соответствии с наиболее часто употребляемыми претекстами.

В результате анализа интертекстуальных референций мы можем сделать следующие выводы:

Во-первых, собственно интертекстуальные референции всегда напрямую связаны с темой статьи и развивают её, уточняя, подтверждая и иллюстрируя примерами приведённые в статье факты и точки зрения. Они выполняют прежде всего информативную функцию, хотя при этом и не исключается экспрессивно-воздействующая функция.

Во-вторых, они выполняют воздействующую функцию. Они всегда обладают коннотативным значением, выражая определённую оценку и отношение к фактам, которые усиливают экспрессивность текста. Их информативная нагрузка стремится к нулю, они не приносят дополнительных фактов в текст. Экспрессивность же возникает на основе отсылки к претексту, ситуации порождения претекста и тому лицу, которому принадлежит данное высказывание. В прессе подобные цитаты могут употребляться в немаркированном и неэксплицированном виде не только потому, что хорошо известны массовому читателю, но и потому что в результате многократного использования они претерпевают семантическую эволюцию, постепенно отрываются от своего претекста и превращаются в клише.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многообразие и неоднородность источников цитирования (высказывания общественных деятелей, образцы классической литературы, названия из песен, кинофильмов и проч., что принято называть сегодня массовой культурой) является отражением менталитета читателя и журналиста.

Современные авторы включают в интертекстуальные единицы, актуальные для данного социокультурного пространства и не представляющие трудностей в понимании для читателей, которые, в свою очередь, в состоянии понять суть отсылок, отыскивая в своей памяти необходимые сведения об исторических, культурных или общественных явлениях, на которые указывают в тексте авторы.

Использование авторами интертекстуальных референций в газетном тексте требует времени, знаний, начитанности, культурной и языковой компетенции, а также обогащают языковой материал, стимулирующий речемыслительную деятельность реципиентов, способствуя развитию, логического мышления. Авторы, использующие интертекст, способствуют расширению их кругозора и обогащению словарного запаса. Обращение к нему создаёт дополнительную привлекательность сообщаемой информации, обеспечивая эмоциональное удовлетворение читателей.

Особая роль интертекстов в газетном дискурсе заключается в том, что они реализуют помимо двух основных функций: оценочная и информативная, которые ориентированы на представление картины мира, еще и: апеллятивную, то есть интертекстуальные референции выступают в роли призыва автора обратить внимание на определенную проблему, и метатекстовую, которая демонстрирует связь двух текстов, при этом дается

возможность либо просто продолжить чтение, либо обратиться к источнику, для более полного понимания замысла текста.

Целью данной выпускной квалифицированной работы «интертекстуальные референции в англоязычной прессе» автор поставил выявление, описание, комплексное исследование и анализ интертекстуальности на примере англоязычной прессы.

Для достижения данной цели был решен ряд задач, поставленных нами во введении данной работы. Нами были изучены определения интертекста и интертекстуальности, рассмотрены основные теоретические базы, на основании которых были выявлены наиболее характерные виды интертекстуальных компонентов. Также было выяснено то, какие функции выполняют интертекстуальные референции как в классическом понимании, так и в более узком варианте – в публицистике.

Объектом исследования стали заголовки современных газетных текстов, содержащие интертекстуальные референции. Предметом рассмотрения - особенности использования интертекстуальных референции.

В своём исследовании автор применил методы сплошной выборки, систематизации и классификации материала, описательный и сопоставительный методы, а также анализ и обработка результатов.

Основным методом исследования в работе является описательный анализ, включающий различные приемы изучения фактического материала.

Высокая частотность включения интертекстуальных референций в публицистические материалы связана с уровнем профессионализма журналистов, их интеллектуальными возможностями.

Анализ интертекстуальных референций, функционирующих в англоязычной прессе, даёт возможность не только подтвердить актуальность использования данного типа языковых средств, но и предположить возрастные и интеллектуальные особенности авторов, наличие у них чувства юмора, чувства такта и языкового вкуса. Они позволяют соотносить прошлое

и настоящее, увидеть процессы изменяющейся жизни в динамике, расширять кругозор и развивать художественный вкус.

Проведённый анализ интертекстуальных референций из англоязычных информационных порталов показал, что авторы газетных статей обращаются как к дословному цитированию, так и к способу трансформации, демонстрируя свой высокий интеллектуальный уровень и современный подход к созданию заголовков. Среди способов трансформации лидирует приём замены компонентов.

Таким образом, на основании вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

В условиях информационного рынка и борьбы за аудиторию СМИ форме подачи информации уделяется намного большее значение, чем содержанию, и интертекст играет важную роль при построении ярких, броских заголовков, вызывающих читательский интерес.

Журналисты используют интертекстуальные референции для того, чтобы создать авторитетную базу. В таких случаях «горизонт ожидания» автора направлен на то, что использованное интертекстуальное включение неоспоримо является узнаваемым, прецедентным и за счет этого воздействует на аудиторию.

В языке средств массовой информации наблюдается усложнение построения заголовков, открываются новые способы. Одним из таких способов является обращение к интертекстуальности. Большой культурный багаж, накопленный за тысячелетия нашей человеческой истории, открывает неограниченные возможности сочетаний слов, различных трансформаций, художественных и лингвистических экспериментов. Для журналиста и для печатного издания интертекст – настоящий клад.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – Москва: Изд-во Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Сборник литературно-критических статей. – М.: Изд-во Художественная литература, 1986. – 543 с.
3. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – Москва: Искусство, 1986. – 234 с.
4. Белова Ю.А. Смысл газетного заголовка: Трудности интерпретации // Вестник башкирского университета, 2013. – Т. 18. – №3. – С. 794-796.
5. Винокур Г.О. Глагол или имя? // Опыт стилистической интерпретации – Русская речь, 1928. - № 3. – С. 5-6.
6. Вомперский В.П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей – М.: Изд. Моск. ун-та, 1971. – 210 с.
7. Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи. Средства речевой выразительности. – М.: Наука, 2005. – 132 с.
8. Дронова Е.М. Стилистический прием аллюзии в свете теории интертекстуальности (На материале языка англо-ирландской драмы первой половины XX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.04. – Воронеж, 2006. – С.46
9. Женетт Ж. Фигуры: Работы по поэтике. – в 2 т. Т. 1. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 469 с.
10. Кристева Ю. «Бахтин, слово, диалог, роман» // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму: пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. - М.: ИГ Прогресс, 2000. - С. 427-457.
11. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 652 с.

12. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. – 268 с.
13. Кулагина И.В. Интертекст как способ воздействия в рекламе // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. 2001. – № 1. – С. 5-10.
14. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: учеб. пособие для студентов пед. институтов – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1988. – 156 с.
15. Лазарева Э.А. Заголовок в газете. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 94 с.
16. Лазарева Э.Л. Системно-стилистические характеристики газеты. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1993. – 168 с.
17. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам. Т. XIV / Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1981. – с.38.
18. Морозов А.А. Реминисценция // Литературный энциклопедический словарь. - М.: Наука, 1985. - С. 162.
19. Мужев В.С. О функциях заголовков // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца. – 1970. – №55. – С.1-8.
20. Новохачева Н.Ю. Стилистический прием литературной аллюзии в гезетно-публицистической дискурсе XX-XXI вв.: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 2004. – 87 с.
21. Павлович Н.В. Язык образов парадигмы образов в русском поэтическом языке – М.: Российская академия наук, Ин-т русского языка, 1995 – 491 с.
22. Пъеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.
23. Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвостилистика. – М., 1988. – Вып. 9. – С. 126 - 141.

24. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры - 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры», 2002. – 552 с.
25. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе – М.: Academia, 2000. – 128 с.
26. Смирнов И.П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами творчества Б.Л. Пастернака – СПб. Гос. Ун-т., 1995 – 259 с.
27. Смирнова Е.А. Формы интертекстуальности в публицистике Ф. Д. Крюкова – Филологические науки в России и за рубежом: материалы IV Междунар. науч. конф. – СПб.: Свое издательство, 2016. – С. 65-68
28. Тороп П.Х. Проблема интекста //Труды по знаковым системам XIV. Текст в тексте. – Тарту: Ученые записки Тартуского госуниверситета. 1981 - 567 с.
29. Трофимова О.В., Кузнецова Н.В. Публицистический текст: лингвистический анализ. – М.: Флинта, 2010. – 299 с
30. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино - Подг. изд. и комментарии Е.А. Тоддеса, А.П. Чудакова, М.О. Чудаковой. – М.: Наука, 1977. – 574 с.
31. Усачева Н.И. Пародийное использование цитаты // Вестник Ленинг. ун-та. 1974. – №4 – С. 28
32. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности – М.: Агар, 2000. – 280 с.
33. Фоменко И.В. Цитата //Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / под ред. Л.В. Чернец. М.: Высш. школа, 2000. – 497 с.
34. Хализев В.Е, Теория литературы. - 4-е изд., испр. и доп. - М.: 2004. - 405 с.
35. Чернявская В.Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопр. когнитив. лингвистики, 2004. – № 1. – С. 106-115.

36. Швейцер А.Д. Контрастивная стилистика: газетно-публицистический стиль в английском и русском языках - М.: URSS, 2009. – 252 с.
37. Шостак М.А. Сочиняем заголовки // Журналист, 1998. – № 3. – С. 1-5.
38. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". – М., 1975. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.html> (дата обращения: 14.03.2017).
39. Ямпольский М. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф - М.: РИК «Культура», 1993. — 464 с.
40. Allen G. Intertextuality. - London: Routledge, 2006. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.litencyc.com> (дата обращения: 25.01.2005).
41. Galperin I.R. Stylistics - Издательство: М.: Higher School, 1977 – 405 р.
42. Plett H. Intertextualities // Intertextuality. Berlin ; N. Y., 1991. - P. 4–6.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Баженова Е.А. Интертекстуальность научного текста - Стилистический словарь русского языка. - М., 2003. - С. 104–108.
2. Лебедева Л.И. Аллюзия // Русский язык. - Энциклопедия. - СПб.: Питер, 1996. - С.33.
3. Литературный энциклопедический словарь: под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М. : Сов. энцикл., 1987. – 751 с.
4. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 1632 с.
5. Брокгауз Ф.А., Ефрон Н.А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1904. – Т. 80. – 704 с.
6. Wikipedia. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 20.05.17).

СПИСОК ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. As you like it. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://shakespeare.mit.edu/asyoulikeit/full.html> (дата обращения: 18.05.17).
2. BBC News. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news>.
3. Independent. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.independent.co.uk>.
4. Sfweekly. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sfweekly.com>.
5. Smithsonian. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.smithsonianmag.com>.
6. The Gurdian. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com>.
7. The Irish Times. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.irishtimes.com>.
8. King Lear. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://shakespeare.mit.edu/lear/full.html> (дата обращения: 17.05.17).
9. The New York Times. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com>
10. The Times. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thetimes.co.uk>.
11. Timminspress. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.timminspress.com>.
12. The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://shakespeare.mit.edu/hamlet/full.html> (дата обращения: 15.05.17).